

землѣ отъ тоски и раскаянія, отъ злости на себя за свой «писательскій» духъ; я молился горячо, искренне... Съ тѣхъ поръ я ужъ не молился никогда съ такой горячей вѣрой... А время тянулось такъ медленно, что я не зналъ, какъ дождусь хотя бы до завтрашняго утра, до класса, гдѣ, можетъ быть, чтò и объяснится... Я не пошелъ ужинать; ѣсть совсѣмъ не хотѣлось. Я боялся показаться на глаза своимъ старшимъ, своей хозяйкѣ, которой въ виду моего письма тоже могли запретить держать на квартирѣ учениковъ нашего разсадника, (а это была большая подмога въ хозяйственномъ обиходѣ обывателей нашей мирной улицы). Мнѣ стыдно было смотрѣть на этихъ, выданныхъ мною, несчастныхъ изъ-за меня людей... Ужъ почти стемнѣло, но еще слышны были на нашемъ дворикѣ и въ саду голоса товарищей и старшихъ, а я лежалъ, притаясь въ своемъ убѣжищѣ, и старался только сдерживать свои рыданія, чтобъ никто не услыхалъ... Меня искали, окликали и каждый окликъ приводилъ меня въ ужасъ: казалось, что все ужъ извѣстно, что меня зовутъ упрекать, ругать, бить...

Потомъ все смолкло. Я далъ волю своимъ рыданіямъ и сдѣлалось будто немного легче... И вдругъ къ величайшему моему удивленію, мой слухъ поразили чьи-то рыданія въ сосѣднемъ саду... То плакалъ старшій, подвыпившій человекъ, — это ясно сдѣлалось послѣ нѣсколькихъ минутъ, въ теченіе которыхъ я прислушивался къ рыданіямъ сквозь собственныя слезы... Мой уголокъ приходился около разрушеннаго частокола, отдѣлявшаго сосѣдній садъ. Выглянувши туда, я увидалъ моего Льва. Онъ лежалъ на-взничъ подъ кустами и шепталъ что-то, и тяжелые вздохи невольно рвались у него въ минуты молчанія...

Чужое горе отвлекло меня отъ своего собственного. — «О чемъ онъ плачетъ?» Такъ поразительно было видѣть Льва плачущимъ, что я даже нескоро могъ съ этимъ освоиться. Я слышалъ еще утромъ, что у него тоже есть горе, въ которомъ сосѣднія кумушки, конечно, сполна и жестоко обвиняли его же самого. Но онъ же говорили: — «да ему это что? Ему и горя мало!.. Избилъ дѣвку до синяковъ, да и въ кабакъ!».. «Неужели же по этому поводу плачетъ Левъ теперь?».. А случилось вотъ что: на нашей улицѣ рассказывали весь день новость съ разными комментаріями, что Левка раннимъ утромъ поймалъ свою дочь въ то время, какъ она выходила изъ комнаты жившаго у него холостого постояльца чиновника... Отправляясь въ классъ мы — правда — слышали нечеловѣческіе крики Дуни и свирѣпое шипѣнье Льва... За обѣдомъ хозяйка рассказывала, какъ Левка, исколотивши дочь,